

И. В. ТУРЧАНИНОВ и ЕГО ЖЕНА — ГЕРЦЕНУ

Публикация Д. И. Заславского

Весной 1856 г. к Герцену в Лондон явился приезжий из России, назвавшийся гвардии полковником Иваном Васильевичем *Турчаниновым*. Ему было тридцать четыре года. Выехал он за границу, получив отпуск для лечения на минеральных водах, но в действительности еще в России решил на родину не возвращаться, а эмигрировать в Америку. Об этом, повидимому, и шел у него разговор с Герценом. Никаких следов в публицистике Герцена, в его записях или в письмах эта встреча не оставила. Мы о ней не узнали бы, если бы три года спустя, в марте 1859 г., сам Турчанинов не напомнил об этой встрече в письме к Герцену из Маттуна.

Письмо, сохранившееся в «Пражской коллекции» и публикуемое ниже, свидетельствует, в частности, о том, что среди множества приезжих из России, посетивших лондонский дом Герцена, был еще один незаурядный человек. А содержание письма характеризует отношение передовых русских людей середины прошлого века к Америке.

Иван Васильевич Турчанинов родился в Области Войска Донского 30 января 1822 г.; в 1841 г. он окончил артиллерийское училище в Петербурге. Одновременно с ним, классом ниже, воспитанником того же училища был П. Л. Лавров, окончивший его в 1842 г. Из автобиографии Лаврова мы знаем, что среди преподавателей и старших воспитанников были люди, которые живо интересовались передовыми идеями того времени, читали произведения Сен-Симона, Фурье, Оуэна, Прудона. Молодежь зачитывалась статьями Белинского.

О том, что и Турчанинов был захвачен идеями утопического социализма, говорит его дальнейшая жизнь. Перед ним, участником Венгерской кампании, затем офицером Академии генерального штаба, а впоследствии участником Крымской войны, закончившим ее в чине гвардейского полковника, открывалась обеспеченная жизнь, быть может блестящая военная карьера. Но он от нее отказался. Он бежал из России, чтобы стать свободным земледельцем в Америке.

Вместе с Турчаниновым эмигрировала его жена. О ней мы знаем еще меньше, чем о нем. В «Пражской коллекции» сохранился лишь отрывок из ее письма Герцену. Однако несомненно, что это была одна из тех молодых русских женщин, которые столет назад начинали смелую борьбу за права женщин, за их самостоятельность. Повидимому, и она отказалась от обеспеченного и привилегированного положения, чтобы следовать за мужем и делить с ним всю тяжесть трудовой жизни в чужой и незнакомой стране. Турчанинова пробовала свои силы в литературе: в письме к Герцену речь идет о какой-то повести. Но повесть эта, по всей вероятности, не увидела света. Нам о ней ничего не известно.

Турчанинов верил в Америку, как в «обетованную землю». Он сам пишет о своих «грезах». Не ему одному, а многим людям его поколения Америка на далеком расстоянии представлялась свободной страной — свободной не только от монархии, феодальной сословности, церковного гнета, но и от капитализма, от всевластия богачей. После поражения революции 1848 г. вся Европа была охвачена политической реакцией. Человеку прогрессивных взглядов трудно было дышать в Европе. А заокеанская республика вставала в воображении, окруженная розовой дымкой демократической свободы, демократического равенства. По всей Европе ходили легенды о том, что в Америке

каждый желающий может почти бесплатно получить участок земли и стать полно-властным хозяином своей судьбы.

Многие легковверные летели на этот призрачный огонек. В Америку эмигрировали в это время люди из разных стран Европы, в особенности из Ирландии, Италии, Германии. В большинстве своем это были лишившиеся земли крестьяне, лишившиеся работы рабочие. Но в общем потоке были и политические эмигранты. После 1848 г. значительная часть участников немецких и французских революционных комитетов предпочла тюрьмам и каторге бегство и изгнание и осела в США. Государственный переворот 1852 г. во Франции погнал из страны новую волну политических эмигрантов. Английская и швейцарская буржуазия враждебно косилась на них; найти работу было трудно. Америка же, нуждаясь в дешевых рабочих руках, широко раскрывала двери перед беженцами.

Обширные незаселенные пространства Америки были источником не только легенды о свободных участках земли, но и мелкобуржуазной утопической теории об «особом пути» экономического развития США, о возможности создать в ней некапиталистический строй, своеобразный американский «социализм». Известно, как зло высмеивал Маркс эту мелкобуржуазную утопию. Он показывал, что раздел земли между частными собственниками ведет не к социализму, а к капитализму. Но в то же время Маркс и Энгельс признавали исторически-прогрессивную роль за движением американских национал-реформистов против ренты и земельной спекуляции (см. «Манифест против Криге». К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. V, 1929, стр. 101).

Америка была поприщем для общественных опытов, поставленных многочисленными последователями Фурье, Сен-Симона, Кабе. В большом количестве возникали и неизменно терпели крушение всякого рода «коммунистические» общины.

Все эти идеи, настроения, иллюзии в том или ином виде достигали и России. Америка противопоставлялась Западной Европе как страна сказочной свободы, «истинной демократии», неограниченных возможностей для обеспеченной и счастливой жизни. Мысли о переселении в США возникали и у самого Герцена. И он противопоставлял Европе Америку как страну, в которой не всё «концы», а есть и «начала». В юности он с благоговением называл «святое имя благодетеля людей, имя Вашингтона» (II, 245). Во Владимире в 1839 г. он написал «драматические сцены» в стихах — «Вильям Пен»; он идеализировал образ основателя Пенсильвании, ошибочно усмотрев в американском квакере носителя социалистических идей.

В пятидесятых годах прошлого века США были еще окружены ореолом демократизма. Их официальные представители в Европе на фоне монархически-дипломатической иерархии казались носителями идей свободы и равенства. В феврале 1854 г. консул США в Лондоне демонстративно устроил обед в честь Гарибальди. Герцен был приглашен на этот обед в качестве «русского республиканца». Английская печать отметила обед как политическое событие (VIII, 60).

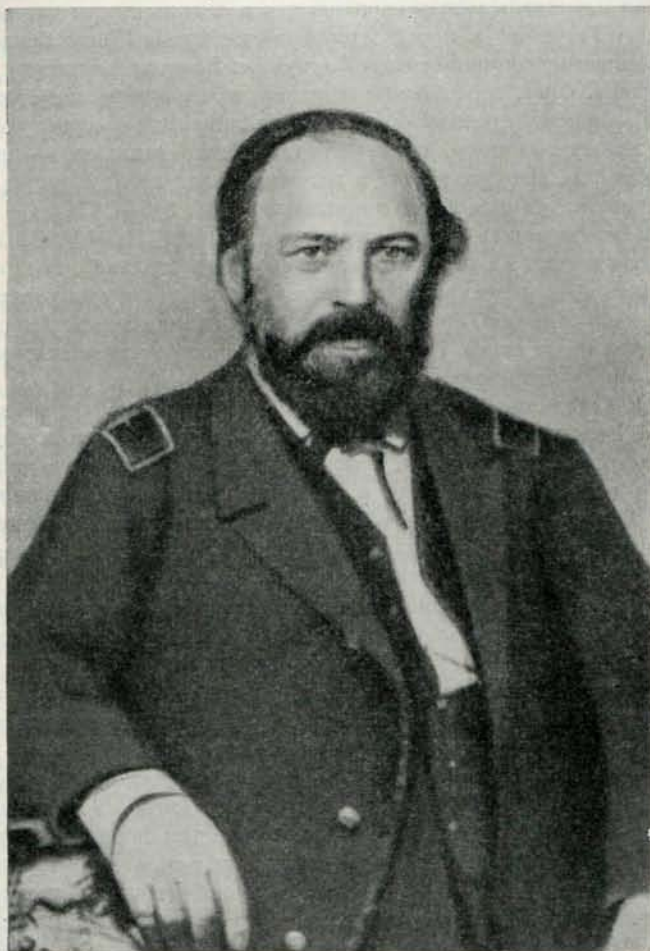
Герцен относился к Америке с большим интересом. Но мысль о переселении в США возникла у него лишь после того, как в Западной Европе начался свирепый разгул реакции и революционному деятелю стало трудно найти в ней сравнительно безопасный уголок для жизни и деятельности. После 1848 г. эта мысль несколько лет не оставляла Герцена. В 1851 г. он писал: «Если реакция победит, в Европе будет страшно, победа может продлиться на целое поколение от 15 до 17 лет; надобно бежать в Америку, борьба не будет возможна» (VI, 430).

С особой силой идея бегства в США овладела Герценом в ту пору, когда разыгралась его тяжелая семейная драма. В феврале 1853 г. Герцен писал М. К. Рейхель: «Я вам скажу, что так скверно, что если б не дети, ей-богу, я был бы в Нью-Йорке» (VII, 183).

Однако по мере того, как все громче доносились из России голоса, свидетельствовавшие о начинавшемся там революционном подъеме, настроения, побуждавшие Герцена подумывать о переезде в Америку, стали исчезать. В 1855 г. он писал М. К. Рейхель: «А, право, в Америку не хочется» (VIII, 234).

Когда Турчанинов в 1856 г. посетил Лондон, Герцен уже больше не думал о переезде в США. Духовный кризис, овладевший им после поражения революции 1848 г., был им преодолен. Герцен нашел в Западной Европе свое место именно как русский.

Он был захвачен литературно-революционной деятельностью, своей «службой русскому народу». Летом 1855 г. вышла первая книжка «Полярной звезды», в мае 1856 г. — вторая. «Вольная русская типография» поглощала все внимание Герцена. Его отношение к Западной Европе не изменилось. В ближайшие годы Герцен ничего от нее не ожидал. Другое дело — Америка. Герцен писал в 1857 г.: «Величайшая идея, развитая Север-

И. В. ТУРЧАНИНОВ

в форме командира 19-го полка иллинойских волонтеров. Этим полком он командовал, участвуя в рядах армии северян в войне против рабства в Америке, 1861—1863 гг.

С фотографии, помещенной в книге «The Photographic History of the Civil War» («История гражданской войны в фотографиях»), 1911

ными Штатами, — чисто англо-саксонская, идея самоуправления, т. е. сильного народа с слабым правительством, *самодержавия каждого клочка земли...* (VIII, 490, подчеркнуто нами. —Д. З.).

Герцен отмечал важную черту в экономическом развитии США—образование и рост многочисленного класса мелких земельных собственников. Он, как и другие, ошибочно видел в образовании этого класса возможность некапиталистического развития Америки. Маркс, напротив, находил в этом историческом явлении условия, ведущие к быстрейшему развитию капиталистической индустрии, — то, что впоследствии Ленин назвал «американским путём» капитализма в противоположность «прусскому пути» образования помещичьих латифундий. В какой мере живучи были

мелкобуржуазные предрассудки, видно из того, что они ожили через десятки лет в произведениях русских народников. В полемике против них Ленин приводил выдержки из статьи Маркса против Криге.

От взгляда Герцена, однако, не укрылось, что в молодой буржуазной республике ясно выражены черты капиталистического накопления. Американская буржуазия так же отталкивала от себя Герцена, как и западноевропейская. В очерке «Оба лучше» Герцен проводил параллель между европейским и американским типами буржуазии. Первый воплощен Герценом в литературном образе Ораса Жорж Санд, второй представлен американцем-предпринимателем Барнумом. По существу между ними нет различия: «оба лучше». Орас, европейский мецанин, прикрывает свою хищническую натуру цветистой, лжеромантической болтовней, декламацией о «культуре». Барнум же «представляет деловую сторону, практическую нашего века; это — проза века, его труд, его занятие». «...Барнум растет в мелочной лавочке... Барнум доплутовался до высокой честности... Миллион все покрывает» (VIII, 345—347).

Орасов «в Америке совсем нет», — замечает Герцен (VIII, 346). От Орасов Европы Герцен ничего не ожидал. Их власть казалась ему окончательной, во всяком случае — очень длительной. Американская буржуазия тоже внушала ему отвращение. Когда Турчанинов уезжал за океан Герцен сказал ему: «Скучная земля Америка!...». Слова эти были вызваны отношением Герцена к американской буржуазии; он произнес их в виде напутствия Турчанинову.

Турчанинов находился во власти буржуазных иллюзий. Он не мог найти для себя в Западной Европе места как «русский». Быть может, он и не склонен был к практическому революционному делу. Он хотел начать новую, трудовую жизнь как «самодержец» своего клочка земли, видя в этом подлинное осуществление демократии и социализма. И русский искатель социальной справедливости, сбросивший с себя мундир гвардейского полковника царской армии, отправился за океан, в «обетованную землю» буржуазной демократии.

При столкновении с американской действительностью «грезы» Турчанинова рассеялись сразу. Русскому мечтателю жизнь преподнесла чашу горьких разочарований — и он испил ее до дна.

Прежде всего развеялось наивное представление о США, как о стране безграничных незыблемых земель, баснословного плодородия, легкой возможности стать хозяином на своем участке, как о стране свободы и равенства.

Правда, Турчанинов избег суровой участи тех переселенцев, которые ехали на далекий Запад, соблазненные рекламным шумом, и затем возвращались, потеряв средства и здоровье. Ему удалось приобрести участок под Нью-Йорком. Но это не спасло его от беды и разорения. Капитализм не замедлил познакомить Турчанинова с двумя страшными своими спутниками — экономическим кризисом и безработицей. В 1856 г. новый переселенец из России еще застал период промышленного подъема. «Расцвет» выражался, в частности, в том, что цены на сельскохозяйственные продукты стояли сравнительно высоко и обеспечивали доходность мелкого участка земли; банки не скупились на кредиты.

Но в 1857 г. со стихийной силой урагана разразился экономический кризис. Он вызвал застой, банкротство, безработицу в промышленности и разорил тысячи и десятки тысяч мелких собственников-фермеров. Их участки шли за бесценок с молотка, а вчерашние «самодержцы» превращались в бездомных бродяг, тщетно ищущих работы.

Такая же судьба постигла и Турчанинова. Он лишился участка земли и денежных средств. Он узнал всю горечь безработицы. Скитания по Америке привели его в городок Маттун штата Иллинойс. Оттуда он и послал Герцену письмо с печальной повестью о пережитых им испытаниях.

Это письмо чрезвычайно интересно как ценный документ, в котором изложены впечатления передового русского человека от американской буржуазной демократии середины прошлого столетия. Это талантливый политический памфлет в миниатюре, исполненный страстного гнева. Иллюзии рассеялись. Русский демократ узнал «американский образ жизни» не с казовой его стороны, а в основных, важнейших чертах.

Обличительные краски письма не поблекли за сто лет. Оно сохраняет свою актуальность и в наши дни.

Турчанинов бежал из России, бежал из царства «мертвых душ», от гнетущей реакции дворянско-помещичьего строя. Он бежал также из буржуазной Европы, из царства биржевой знати, не желая жить в удушающей атмосфере реакции и мракобесия. А попал в еще более тяжелую обстановку буржуазной наживы, капиталистического бездушия, всевластия доллара. В Америке капитализм предстал перед ним еще более обнаженным. Не из книг, а из самой жизни Турчанинов узнал, что буржуазная демократия — это свобода буржуазии беспощадно и бесчеловечно эксплуатировать трудящихся, что пресловутого равенства в капиталистическом обществе не существует, что только деньги дают право на уважение, на почет (respectability). А право на труд не дается ни добросовестностью, ни знаниями — он, образованный и талантливый человек, не мог найти применения своим способностям.

Письмо Турчанинова — это обвинительный акт против американского капиталистического «образа жизни», составленный человеком, который совместил в своей незаурядной личности прокурора, свидетеля и пострадавшего.

Турчанинов верно оценил истинный характер буржуазной демократии. Он увидел противоречия капиталистического строя: резкий контраст между богатством на одном его полюсе и обездоленностью и нуждой — на другом. Но разобраться в этих противоречиях Турчанинов не мог. Он не обладал научными познаниями о диалектике исторического процесса.

Противоречия американского общественного строя отмечались русскими передовыми мыслителями с самого возникновения заокеанской республики. Революционная война XVIII века за независимость американских колоний Англии была толчком для революционных движений в Европе. Образ республики вдохновлял борцов против феодальных монархий. Но с удивлением и разочарованием наблюдали они в молодой республике отталкивающие черты капиталистического накопления, их поражало невольничество, угнетение негров, работорговля. Буржуазная республика вступала в жизнь с факелом свободы и равенства в одной руке, с черным пиратским знаменем рабовладения — в другой.

Радищев воспел Вашингтона в оде «Вольность». Сочувствие американской республике было поставлено Радищеву в главную вину. Екатерина II говорила о нем: «Он хуже Пугачева: он хвалит Франклина» (IX, 276). Но в «Путешествии из Петербурга в Москву» Радищев гневно клеймил американских рабовладельцев. Известны обличительные слова Пушкина об американской буржуазии в предисловии к переводу «Записок» Джона Теннера.

Разобраться в сложности классовых противоречий было нелегко еще и потому, что в те времена им была присуща известная неустойчивость. Американское общество переживало период сильнейшего социального брожения. К. Маркс в 1852 г. писал о борьбе противоречий в США, в стране, где «классы хотя и существуют, но еще не кристаллизировались, а беспрерывно меняются взаимно своими составными частями, где современные средства производства не только не совпадают с хроническим перенаселением, а, наоборот, пополняют относительный недостаток в человеческом труде, где, наконец, лихорадочное, полное юношеских сил движение материального производства, имея перед собою задачу использования целого нового мира, не дало ни времени, ни случая свести счеты со старым духовным миром» («Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта». К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. Соч., т. VIII, 1931, стр. 331).

В этом сложном историческом процессе Турчанинов совершенно отчетливо различал одну сторону — деспотическую и реакционную власть буржуазии. Только об этом он и говорит в своем письме. Это можно, пожалуй, объяснить тем, что явления быстрой капиталистической индустриализации всего заметнее были в «свободном» штате Иллинойс, где не было рабовладения, где складывалась обширная металлургическая промышленность, а ближайшие города, Чикаго и Сент-Луи, становились крупнейшими индустриальными центрами страны.

Турчанинов ничего не говорит в своем письме о невольничестве, о плантаторах южных штатов. А между тем как раз в пятидесятые годы прошлого века борьба против

невольничества становилась важнейшим, центральным явлением всей общественной жизни США. И в этой борьбе, захватившей все классы, все круги американского общества, раскрывалась объективно-прогрессивная историческая роль капитализма. Рабовладение становилось основным препятствием на пути его дальнейшего развития и распространения. Рабовладение было тормозом для индустрии, проклятием для рабочего класса, ценой для фермерства. Рабовладение было основным источником политической реакции и мракобесия.

Турчанинов не понял, что капитализм, при всех своих отталкивающих чертах, вызывал к жизни прогрессивные силы, которые призваны были положить конец позорному рабству. Глубоко разочарованный в буржуазной демократии, Турчанинов не сразу увидел эти прогрессивные силы в Америке. Он беспощадно сжигал то, чему поклонялся, он круто расправился с прежними своими наивными иллюзиями. «Я здесь не вижу людей между природными американцами, — писал он, — а пришлецы или делаются такими же скотами, как туземцы, или шумят в своих бюргер-клубах».

Это суждение продиктовано законным чувством гнева и разочарования. Но это неверное и несправедливое суждение. В 1859 г. Турчанинов еще не предвидел и не предчувствовал, что в ближайшее время, всего через два года, вспыхнет в США революционная, гражданская война, в которой рабочие и фермеры покажут замечательные примеры мужества и стойкости в борьбе за свободу и в которой он сам, как мы увидим ниже, примет деятельное участие.

В 1859 г. по всей Америке, восхитая одних, приводя в бешенство других, уже гремела легендарная слава природного американца Джона Брауна. Его небольшой отряд, составленный из белых фермеров и беглых негров, освобождал рабов и расправлялся с плантаторами, отличавшимися особой жестокостью. Его партизанские действия предвещали близость неизбежной гражданской войны. Опережая события, Джон Браун в октябре 1859 г. захватил арсенал в городе Гарнерс-Ферри. Попытка окончилась неудачей. Джон Браун был казнен. Но весть о его героическом подвиге облетела весь мир.

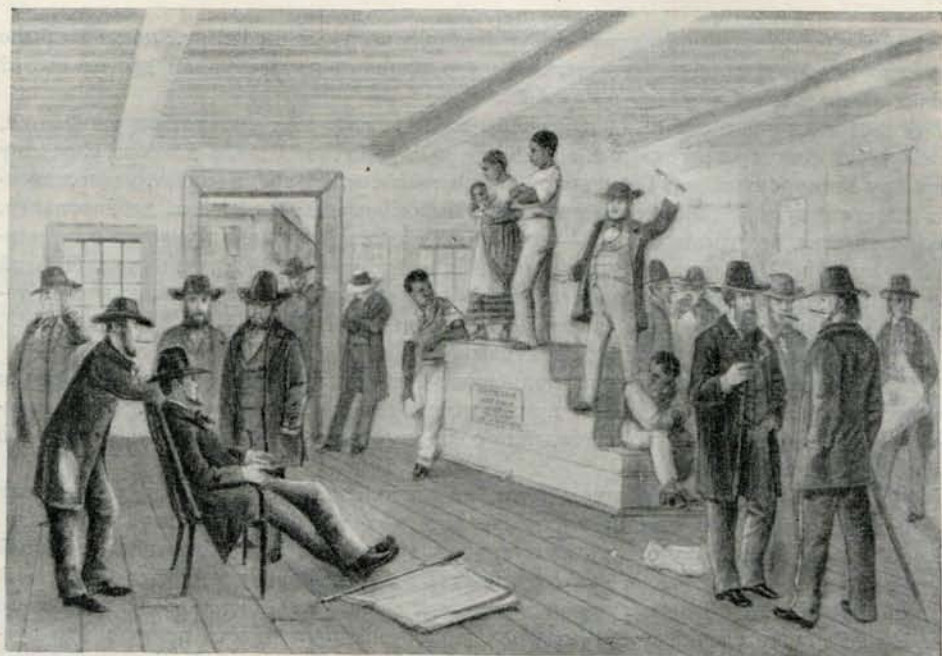
К. Маркс писал в январе 1860 г.: «По моему мнению, самые великие события в мире в настоящее время — это, с одной стороны, американское движение рабов, начавшееся со смерти Брауна, с другой стороны — движение рабов в России» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXII, 1929, стр. 474).

Почти в это же время о противоречиях американского общественного строя и о борьбе демократических сил против невольничества писал в «Современнике» Чернышевский. «В государственных делах Северо-Американского Союза действительно есть много дурного, — утверждал он. — Североамериканские патриоты справедливо надеются, что скоро очистят свою страну от пятен, марающих ее; но никто из них не отрицает, что до сих пор было на ней довольно много очень грязных пятен» (Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. VII, 1950, стр. 916).

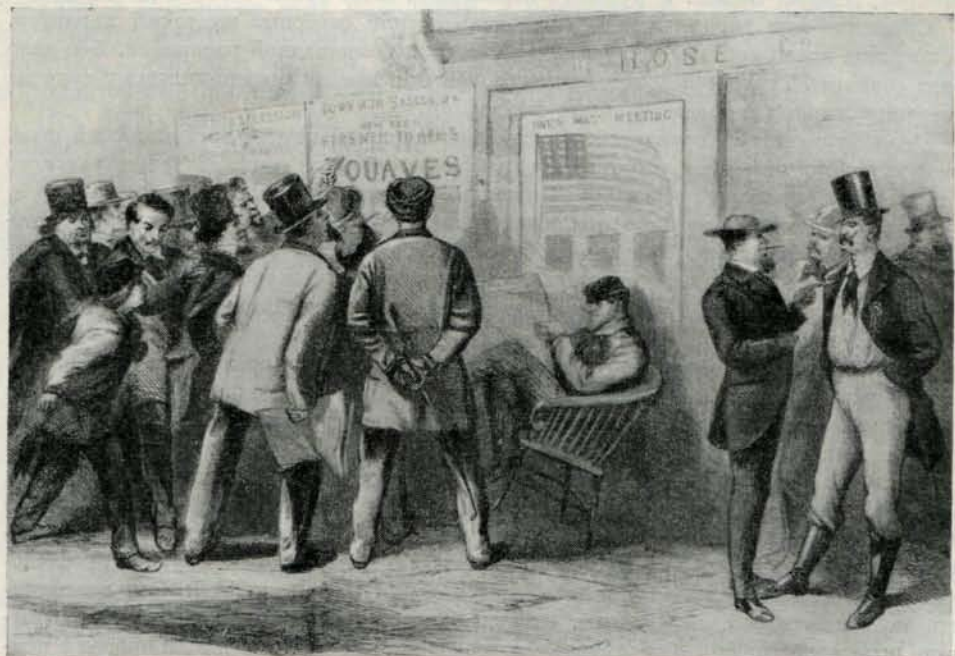
Жена Турчанинова в общем разделяла взгляды своего мужа на американскую плутократию. При столкновении с действительностью разбилась и ее собственные иллюзии. Надо, однако, отметить, что она не столь категорична в своих суждениях о прогрессивных силах американского общества. Ее заинтересовало и увлекло женское демократическое движение, в котором были черты, сходные с женским освободительным движением в России конца пятидесятых годов.

* * *

Из письма жены Турчанинова видно, что Герцен ответил на его письмо и что ответ Герцена был проникнут живым участием к русским людям, попавшим в трудное положение на чужбине, и готовностью оказать им помощь. Мы не знаем, ограничилась ли этим переписка. Никаких других следов ее в литературном наследии Герцена не сохранилось. Но мы знаем, что та пессимистическая оценка, какую дал Турчанинов общественным силам Америки, вскоре изменилась. Борьба против невольничества захватила и его. Да и мог ли остаться в стороне от этой борьбы русский человек, который не желал примириться с крепостничеством у себя на родине!

СЦЕНА ИЗ АМЕРИКАНСКОЙ ЖИЗНИ. ПРОДАЖА НЕГРОВ В ВИРГИНИИ
«The Illustrated London News», 16 февраля 1861 г.

СЦЕНА ИЗ АМЕРИКАНСКОЙ ЖИЗНИ. ВЕСТИ С ВОЙНЫ
«The Illustrated London News», 25 мая 1861 г.

Мы как будто теряем след жизни Турчанинова после марта 1859 г., когда им было написано письмо Герцену. Что случилось с его планами литературной деятельности? Нашел ли он для себя работу по душе?

В 1861 г., в разгар гражданской войны в США, след этот снова обнаруживается. 28 августа/9 сентября российский посланник в Вашингтоне Стеклъ доносит царскому министру иностранных дел Горчакову: «Мне сообщили, что среди солдат, расположенных лагерем в окрестностях Вашингтона, было несколько русских добровольцев. Среди офицеров находится Струве — тот самый, который принимал участие в германской революции 1848 года. Я узнал также из газет, что некий Турчанинов, бывший русский офицер, командует полком иллинойских добровольцев. Не знаю кто он такой и каким образом он здесь оказался. С т е к л ь» (АВПР, ф. МИД, 1861, ед. хр. 162, л. 280. — Подлинник на французском языке).

Русский офицер, гвардейский полковник Генерального штаба, по убеждениям демократ, нашел в США достойное применение своим военным знаниям. «Американская энциклопедия» дает краткие сведения о его участии в войне против рабства, о его дальнейшей жизни.

Иван Васильевич Турчанинов (или, на английский лад, Турчин) командовал 19-м полком волонтеров Иллинойса, входившим в состав бригады генерала Бьюэлла. Этот полк заслужил славу одного из лучших в армии генерала Шермана. О военной выучке полка говорили, что в ней соединились американский патриотизм с русской военной школой. Полковник Турчанинов обучал своих солдат мастерству штыкового боя. Но не только военная слава создала широкую популярность полку и его русскому командиру. Турчанинов воспитывал в своих солдатах и офицерах непримиримую ненависть к рабовладению и рабовладельцам. Он воевал как революционер.

В армиях северян далеко не все командиры разделяли убеждения Турчанинова. Было немало и скрытых сторонников Юга. Были нерешительные и колеблющиеся, стоявшие за компромисс с плантаторами. К ним принадлежал и начальник Турчанинова, генерал Бьюэлл. У русского полковника были враги в своей же армии.

Сражение при городе Афины (Алабама) носило особенно жестокий характер. На зверства южан солдаты Турчанинова ответили беспощадной расправой. Это дало повод обвинить Турчанинова в жестокости. Он был предан военно-полевому суду на основании лживых и подтасованных показаний.

Дело Турчанинова произвело во всей американской печати чрезвычайный шум. Все подлинные патриоты, противники рабства требовали освобождения русского полковника, призывали президента Линкольна вмешаться в дело.

Суд, составленный из нарочито подобранных офицеров, приговорил Турчанинова к удалению из армии. Турчанинов держал себя на суде с достоинством и мужеством. Линкольн не только отменил несправедливый, пристрастный приговор, но и произвел Турчанинова в чин бригадного генерала. Город Чикаго устроил ему триумфальную встречу.

Турчанинов участвовал со славой еще в нескольких сражениях. Он вышел в отставку лишь после окончания войны. Все время, с первого до последнего дня, жена его делила с ним все труды и опасности военного времени. Солдаты отзывались о ней с благоговением. Она была для них сестрой милосердия и другом *.

После войны Турчанинов переменял много профессий, был железнодорожным инженером, городским архитектором, топографом. Он жил в городе Анна, в том же штате Иллинойс, помещал статьи в военных и научных журналах и написал две книги: «Military rambles» и «The campaign and battle of Chattonooga». Неудачи преследовали его. Военные заслуги были забыты. На старости он вынужден был зарабатывать на жизнь игрой на скрипке, выступая в маленьких городах. Тяжелые испытания подорвали здоровье Турчанинова, и последние дни своей жизни он провел в психиатрической больнице в городе Анна. Умер он 19 июня 1901 г.

Письма печатаются по автографам «пражской коллекции» (ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 112 и 129).

* Сведения эти сообщены И. Филипповым, корреспондентом «Правды» в США.

И. В. ТУРЧАНИНОВ — ГЕРЦЕНУ

22 марта 1859
Маттун, ИллинойсИстинно уважаемый
Александр Васильевич! (!)

Назад тому почти три года, — это было, если не ошибаюсь, в начале июня, когда только что кончилась Крымская война и его величество изволил собираться короноваться, — к вам являлся в Лондоне гвардейского генерального штаба полковник Турчанинов; это был я. Как ни коротко было наше знакомство, но мое желание видеть вас лично, чтобы в наружности вашей прочесть — то ли действительно вы, что мне мерещилось, когда я читал ваши сочинения, было удовлетворено. Я тогда сказал вам, что я еду в Североамериканские штаты, и помню ваше замечание: «Скучная земля Америка!». Признаюсь, я отчасти усомнился в ваших словах; мои заокеанские грезы были гораздо выше и чище пошлой действительности; не только скучная, но прерадостная земля Америка.

Я не мог оставаться в Европе, частью потому, что моя финансовая часть была скудна для независимой жизни, частью и потому, что мне хотелось приглядеться к единственной существующей в наш век республике и удостовериться на деле и своими глазами в так превозносимой ее стоимости.

Разочарование мое полное; я не вижу действительной свободы здесь ни на волос; это тот же сбор нелепых европейских предрассудков и монархических и религиозных начал, в голове которых стоит не королевская палка, а купеческий карман; не правительство управляет бараньим стадом, а бодливые, долларами гремящие козлы-купцы; не «мы божиею милостию» в заголовке всех повелений, а почтенность (respectability) и общественное мнение, которые, как и везде, принадлежат сильным, то есть богатым, а эти, как водится, устраивают вещи так, что только то почтенно и поддержано общественным мнением, что не противно их интересам.

Эта республика — рай для богатых; они здесь истинно независимы; самые страшные преступления и самые черные происки окупаются деньгами. Smart man (по-нашему — ловчак и пройдоха) здесь великое слово; от миллионера до носильщика, от сенатора до целовальника, от делателя фальшивых ассигнаций до денного разбойника — smartness* резко проведена. Будь человек величайший негодяй, в каком бы то ни было классе сословия, если он не попал на виселицу и ловчак, он-то и почтенный; за ним все ухаживают, его мнение первое во всем; его суждениям и приговору верят более, чем библии; он вертит кругом, в котором сам вертится. Итог подобных ловчаков-пройдох в государстве составляет управляющий класс во всех делах; остальная масса — управляемые. Ловчак-капиталист — американский принц, которого почтенность так же не может быть атакована, как почтенность русского царя; первого особа так же неприкосновенна и священна, как особа второго; один раздавит всякого врага жандармами и солдатами, другой долларами и подчиненными ему разбойниками.

Не хочу много распространяться об этом пошлом, старом мире на новых местах, об его индейском обезьянничестве, об его глубоком мужичестве и необразованности и вообще об его оригинальной, принявшей отчасти свой особенный колорит, чудовищности; это завлечет меня слишком далеко. За три года на душе накопилось слишком много горечи, смотря на уродливый маскерад этого Нового света и его дубинного представителя англо-саксона. Скажу только одно, что эта республика постоянна,

* ловкость. (англ.).

никогда не износится и будет процветать века веков; везде, где хотите, даже в России, скорей может осуществиться что-нибудь похожее на социальную республику, только не в Америке. Я здесь не вижу людей между природными американцами, а пришлецы или делаются такими же скотами, как туземцы, или шумят в своих бюргер-клубах. — Что касается до меня лично, то я за одно благодарю Америку: она помогла мне убить наповал барские предрассудки и низвела меня на степень обыкновенного смертного; я переродился; никакая работа, никакой труд для меня не страшен; никакое положение не пугает; мне все равно, пащу ли я землю и вожу навоз или сижу с великими учеными новой земли в богатом кабинете и толкую об астрономии.

До сих пор мне не очень везет здесь, но я не в претензии на судьбу, я искал этого сам. Я имел под Нью-Йорком маленькую ферму, на которой, несмотря на все мои усилия, не мог жить; искал места по геодезическим работам в береговой государственной съемке — не успел; на эти вещи здесь более, чем где-нибудь, нужна протекция какой-нибудь личности, а не мемуаров, с которыми я явился. Живу теперь чертежами и рисунками; я отличный чертежник и очень хороший портретист и вообще рисовальщик и от нужды обеспечен. Одно томит меня: страшная скука американского мира и отсутствие русских. Здесь русских так мало, что я даже подзревать начинаю, есть ли они, не говоря об официальных чиновниках, с которыми, конечно, я не стану знакомиться; и когда я думаю, что на той стороне океана, в Западной Европе, есть больше русского элемента и есть даже русская типография и русский журнал, — сердце прыгает, и страшно картит перевалиться назад за Атлантик; на жизнь зарабатывать там для меня кажется труднее, чем здесь; притом я хочу приобрести право называться гражданином Северо-Американских соединенных штатов, чтоб иметь ярлык на некоторую безопасность в толико свободной Западной Европе, и тогда посмотрю, что делать.

Считая человеческим правом не только не зарывать талант, какой есть, в землю, но смело и громко развивать идеи справедливости, свободы и личной независимости, я посылаю вам две из пьес, написанных мною здесь, для напечатания в вашем журнале. Когда будете писать, уведомьте, понравятся ли они вам, и тогда я могу переслать вам еще кое-что.

Теперь у меня до вас есть просьба, и вот в чем она. Моя жена, которая имеет несомненный и сильный талант писателя, начала ряд повестей на французском языке; она владеет им прекрасно; по-русски она пишет свободнее и, может быть, даже лучше, но стала писать по-французски из расчета, ибо французскую повесть можно продать; сюжетом взятые сцены из русской жизни и положение современной женщины. Беспристрастно судя, я нахожу, что повесть, написанная ею теперь, весьма интересна, ведена хорошо и может иметь успех. Так как здесь ничего французского не печатается, то эту повесть продать здесь нет никакой возможности, и мы решаемся просить вас об этом; вы знакомы с публицистами, и, может быть, для вас не будет большого труда уладить это дело, а нам вы сделаете великое одолжение. Так как большинство сцен и лиц, входящих в повесть, принадлежит чисто русской жизни, то я думаю, что порядочно сделанные виньетки имели бы большой интерес для иностранцев; если я узнаю от вас, что это дело может быть улажено и что виньетки могут облегчить продажу или сделать ее более выгодною, я сделаю виньетки в карандаше сам, а резаться и литографироваться, конечно, они будут издателем.

Объемом повесть эта будет равна двум книжкам, таким, как ваша книжка «С того берега».

В настоящее время я живу в городке Маттун, штат Иллинойс; этому городку три года от роду, только; о географическом его положении я могу сказать только то, что он стоит на пересечении двух железных дорог:

иллинойской, центральной, и Terre-haute and Alton R. R.; в нем я дождусь ответа от вас и потом думаю переключиться или в St. Louis или в Cincinnati, откуда пошлю вам следующее письмо.

Я укоротил здесь свою фамилию, не изменяя ее сущности и руссизма; птичий английский рот не в состоянии был произносить мое прежнее имя; думаю, что я буду просить правительство официально укоротить мое имя, во избежание каких-нибудь могущих при случае возникнуть затруднений.

Теперь я адресую вам письмо на имя Трюбнера и прошу вас уведомить меня, каким образом должен я вперед адресовать мои письма, если переписка наша может составить для вас какой-нибудь интерес.

Если вы слыхали что-нибудь об Евгении Дмитриевиче Григорьеве, многообещающем молодом человеке, бывшем когда-то со мною в большой приятности и сильно желавшем познакомиться с Америкой, — то очень меня обяжете, сказав мне что-нибудь об нем.

Жду от вас ответа и братски приветствую вас. Жена моя, хотя и не знакомая лично с вами, но очень хорошо знакомая с вашими сочинениями, считает правом послать вам также свой привет.

Преданный вам Иван Турчин

Адрес: United States of North America
John B. Turchin
Mattoon, Coles C^o Illinois. Land office.

2

ТУРЧАНИНОВА — ГЕРЦЕНУ

⟨Маттун. 1859 г.⟩

Посылаю вам мою повесть; не знаю, понравится ли она вам и суждено ли ей быть напечатанной, но, во всяком случае, благодарю вас за вашу снисходительную готовность заняться ею. Эта повесть написана по-французски, потому что я не предполагала возможности напечатать и сбыть что-нибудь русское; все, что я могу написать, будет необходимо антиправославное и антиверноподданническое и потому не может идти на святой Руси; в Полярной же звезде нет места ни для легкой литературы, ни для объемистых рукописей. У моей княгини найдется, вероятно, множество руссизмов, несмотря на то, что я довольно порядочно знаю язык; обороты и легкость выражения теряются, когда нет случая употреблять язык, а я вот уже три года не встречала ни одной души, говорящей по-французски.

Иван Васильевич писал вам о том, что мы нашли в Америке; прибавлю, с своей стороны, несколько слов о предметах, преимущественно для меня интересных. Американская женщина, принадлежащая к высшей «respectability» — тщеславнейшее, надменнейшее и пустейшее создание. Наряды, чванство, желание блеснуть, сыграть роль принцессы, леди — идеал ее жизни; нигде роскошь туалета не доведена до такого бессмысленного излишества; нигде так открыто нагло не кланяются деньгам; тут даже нет наружного приличия в этом отношении: на улице и в лавке, в церкви и в бальной зале вы услышите на разные лады высказываемое одно и то же, а именно, что деньги делают человека и что без денег человек — дрянь, не стоящая уваженья. И, несмотря на это жидовское идолопоклонство, несмотря на глупое направление высшего класса и глупую обезьянническую подражательность низшего, тянущегося из всех жил за fashion и respectability*, здесь встречаются вещи удивительные, делающие глу-

* модой и респектабельностью (англ.).

бокое впечатление. К этим явлениям, независимым от народного характера, напротив, противоположным ему и как-то чудно порожденным свободой, лежащей в основании их жизни, принадлежит известная Lucy Stone¹ с своею непреклонной мыслью о личной независимости женщины, та самая Lucy Stone, которую разные благонамеренные журналы в Европе и здесь стараются выставить с такой глупо-смешной стороны. К ним же принадлежат два маленьких училища женщин-докторов, заведенные несколько лет тому назад: одно — в Филадельфии, другое — в Бостоне. В одном из этих училищ я прослушала курс и, признаюсь вам, не раз, стоя с анатомическим ножом в руках у диссекционного стола с тем сосредоточенным чувством, которое навеивает на душу смерть, я вздрагивала от удовольствия, слушая подобные восклицания, вырывавшиеся у женщин, занятых, как и я. «Magnificent! beautiful!» * — вскрикивала дюжина молодых женщин, толпясь около какой-нибудь удачно обнаженной сети нервов или искусно выслеженной артерии. «Вот она, — думала я с гордым трепетом, — та слабая женщина, годная только для детской или бальной залы!». Училища эти состоят под страшным гонением мужского медицинского сословия, составляющего здесь необыкновенно многочисленную касту недоучек, спекуляторов и интригантов, падких на деньги. Respectability смотрит на них с полнейшим пренебрежением, не понимая, как водится в подобных обстоятельствах, эту попытку привить к женской жизни деятельность, так свойственную женской натуре и так существенно необходимую для общества, где больная женщина часто, очень часто, остается без помощи, потому что не решается искать ее у доктора-мужчины. Училища эти лишены средств; женщины, которые в них учатся, принуждены дополнять то, чего недостает, учась частным образом, но все-таки они держатся, несмотря на гонения. Это известная вам первая церковь христиан в Риме. Какая будет их судьба вперед не знаю, но для меня они — утешительнейшее явление современной жизни, осязательный намек на то, что могло бы быть. Вообще свобода на деле — великое дело! несмотря на воловью английскую натуру, несмотря на корыстолюбивое направление и тупоумную надменность yankee**, здесь встречаются вещи, способные укрепить веру в возможность и необходимость свободы и self-government ***

¹ Люси Стоун (1818—1893)—виднейшая деятельница борьбы за равноправие женщин в Америке, соединявшая эту борьбу с пропагандой против невольничества. Люси Стоун объезжала Северные Штаты с горячей проповедью эмансипации женщин и негров. В 1869 г. она организовала суфражистский союз и основала «Женский журнал».

* «Великолепно! превосходно!» (англ.).

** янки (англ.).

*** самоуправления (англ.).

Конец письма не сохранился. — Ред.